

С. Назань
Советская Театральная
С. Назань

18 Ави 1963

В ПРОЛОГЕ МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧЕКИ — куклы весело поют и выделывают подлыми забавные балетные движения. Но что это? У них большие, несурово большие для кукол человеческие лица. Ба! Да ведь это лица актеров Ленинградского государственного театра миниатюр, театра, который в народе зовут «театром Райкина».

В этой кажущейся с первого взгляда незатейливой сценке заложена главная тема спектакля. Здесь будет рассказано о великом и смешном в человеке умным искусством юмора и сатиры. Не в этом ли своеобразие, «свой голос» замечательного советского актера и его театра?

Не случайно одной из лучших миниатюр прозвучала песенка о Чарли Чаплине, Гуманном Чарли глубоко родстве таланту Райкина, возбуждает его дух, питает его творческую фантазию. Не чуждый к традициям гениального актера, он осваивает их в сложном соединении с богатейшей школой русской классики и боевого советского искусства. Гоголь, Чехов, Маяковский — три источника «живой воды» искусства крупнейшего мастера эстрадного представления. Когда он с задумчивым и просветленным взором повествует о любви пожарника Васи, трогательно смешной и угловатой, мы вспоминаем грустную улыбку Чехова; когда он исполняет остроумную миниатюру о начальнике учреждения, обнаружившем, что у него исчезла голова и что — еще более странной! — этого не заметал даже представитель министерства, провазводивший ревизию, — мы явственно ощущаем сарказм Гоголя; когда он воплощает «мурло мещанина», посетившего зоопарк и рассуждающего о тиграх и слонах, мы слышим гневный бас Маяковского.

Великое и смешное в человеке — так обозначили мы черты своеобразия Ленинградского театра миниатюр. Вот почему с такой увлеченностью играет Райкин в тему любви, непорочной чести и тому грохоту смеха, выходящего гулом, равнодушие, бюрократизм. Мы намеренно не отделим театр от Райкина. Они соединены прочным сплавом. Художественный руководитель коллектива много нагружен в спектакле. Но здесь нет и тени пресловутого «прямейства». Мы говорим об ансамблевости спектакля в самом точном смысле этого понятия. Можно назвать любую сцену, где все изобретательно, по-настоящему смешно и филигранно. Такова интермедия «С. Ч. В». Артисты В. Дячовидный и М. Максимов играют двух престарелых сторожей — обычного и начинающего. Опытный обучает новичка правилам охраны. Каждая деталь этой сценки искрится веселым юмором. Строго засекреченный объект «С. Ч. В» оказывается «складом чугунных болванок», а «новичок», по нежности с трудом делающий поворот, чтобы уйти, вызывает восторженное восклицание второго сторожа:

— Пошел на разворот... Вот дает!

То же следует сказать о песенке «Равноправие». Оказывается, можно сыграть и короткую песенку, где есть немало персонажей, где раскрываются характеры, где есть сюжет и его движение к оригинальной изобретательной развязке. Отлично исполняют ее артисты Л. Гвоздикова, В. Горшенина, Т. Купелевская, П. Петрущенко, Р. Карцев, М. Максимов, В. Меркушев и В. Ильченко.

Искусство должно всегда «удивлять», то есть открывать зрителю новые грани жизни, человеческой души. Аркадий Райкин «удивляет» меткостью и острой взглядом, смелостью решений сатирических образов, человечностью своего смеха. Спектакль «Время смеется» раскрывает некоторые из основных законов эстрадного театра: высокую комедийность и яркость формы в сочетании с идейно-художественной и психоло-

гической глубиной содержания, насыщенность смехом всей атмосферы спектакля, смелость «заострения» образа, энергичность ритма сценического действия.

Райкин обостряет жизненные факты до степени невероятного, и тем не менее убеждает. Такова диалектика его таланта. В самом деле, ведь старик-интеллигент («Новелла о любви»), срывающая цветок из... общественной клумбы, действует явно не по правилам. Но в этом и смешное и человеческое: старик вспомнил первую любовь, и озорство юности на минуту посетило его — надо видеть, с какими усилиями, страхом и отчаянием он это делает!

Или пьеса «Жил-был Дед», где герою после свадьбы обнаруживает в шкафу жены скелеты «свадебных» его прежних мужей. Замечатель-

ВЕЛИКОЕ И СМЕШНОЕ

ный советский режиссер А. Дикий говорил, что логика искусства подлинного актера не « $2 \times 2 = 4$ », а « $2 \times 2 = 87,5$ ». Искусству эстрады больше, чем другим, присуща такая логика: обострение образа до степени невероятности и оправдание этого невероятного правдой исходной мысли.

Очень трудно на маленькой площадке во времени набросать живой, неповторимый психологический портрет, нарисовать прошлое, настоящее и будущее человека и сделать это красками сложной и напряженной палитры смеха. Послушайте монолог М. Азова и В. Тихвинского — «Вы знаете Сочиния?». Райкин развращает эволюцию негодяя от отрочества до зрелости. Иной раз ему одной или двух букв достаточно, чтобы слово получило сатирическое звучание. Таковы — «Бутылбор», «количество и качество». Говорят, что слово «авось» впервые пошло от Райкина.

Спектакль складывается из множества миниатюр, сцен, интермедий. И тем не менее мы говорим о единстве образа спектакля; ибо все локальные темы его при всем их разнообразии объединены общей, генеральной темой — время смеется!

В хорошем, по-настоящему театральном этом спектакле есть и недостатки. Прежде всего, отсутствует международный фелетон, фактура, на-

правленная против наших идеологических противников. Философия и нравы буржуазии, проски империалистов против мира, демократии, человечества — какой это огромный резерв сатирических тем и решений! Жаль, что такой могучий творческий организм, как театр Райкина, не обратился к этому участку фронта беспощадной борьбы с буржуазной идеологией.

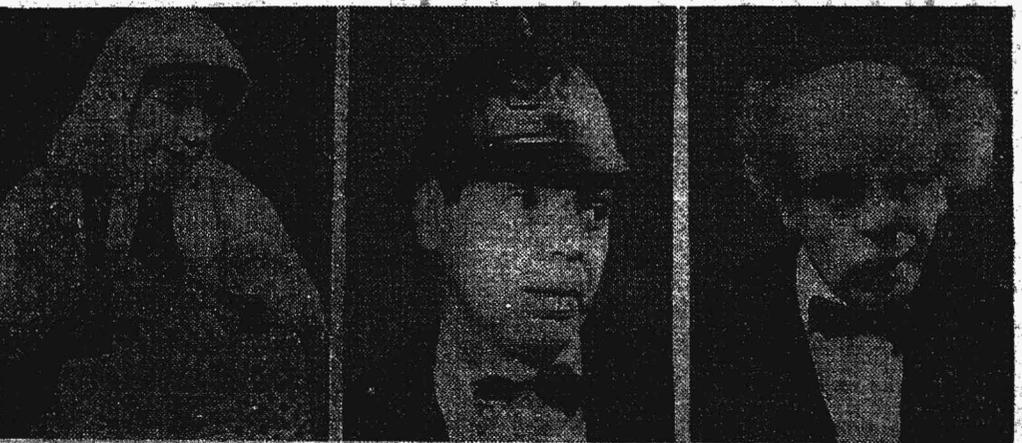
Миниатюра «Гостиница «Интурист» демонстрирует блестящую актерскую технику А. Райкина. Но миниатюре не хватает необходимой глубины содержания, и создается впечатление, что она написана ради... актерской техники.

Есть сценки, где смешное переплещивается за рамки чувства меры. Так, интересная пьеса «Отчет на носу» все-таки очень растянута и заканчивается тем, что профсоюзный бюрократ ударяет папкой по голове автора заявления.

Мы говорим об этом потому, что любим выдающегося мастера советской эстрады и ревниво относимся ко всему, что хоть в малейшей степени может снизить наше эстетическое восприятие.

Мы говорим о театре Аркадия Райкина как о явлении в искусстве, явлении большом, радостном. Но самое радостное, быть может, в том, что Райкин еще не поставил точки. Он еще пишет историю эстрады, у него еще большой «запас перспектив». Мы имеем в виду не только возможности самого театра, но и чувство ожидания у зрителя, дорогое чувство, которым народ отличает подлинных талантов.

Ля ВИНЦКИЙ.

ИЗ «РАЙКИНСКИХ» ОБРАЗОВ

Фото Н. Седова.